

Следует отметить, что при всей резкости полемики 1769 г. только во «Всякой всячине» были произнесены слова о наказании и за сатиру. В этом отношении наиболее ярким и известным примером является статья «противу лжи и лгунов», где вспоминалось о законе, по которому в древности лжецам прокалывали язык каленым железом (ВВ, с. 180—181). Аналогичное рассуждение о необходимости наказывать дерзких сатириков встречается позднее в «Парнасском щепетильнике». Оно включено в комический рассказ о порке, которой был подвергнут один из «лирических стихотворцев», написавший «ювеналову сатиру» на неверную возлюбленную. Однако звучит эта рекомендация вполне серьезно: «Желательно было бы для общей тишины и спокойствия, чтоб все сатирические писатели, те, которых единственное упражнение состоит в том, чтобы честных граждан и полезных обществу людей затмевать славу, чтоб такие то все попадались в руки новейшей Кандии (мнимой волшебницы, — В. С.); по правам некоторых государств ссылали их и на галерную работу» (ПЩ, с. 118).

Ссылка на «некоторые государства» не маскирует личного отношения Чулкова. В другом месте он еще откровеннее заявляет о своем желании напустить на «распустных (sic!) людей, которые всякий день ушиваются дурацкою досадою, то есть некоторых господ стихотворцев, пагубных роду человеческому» (ПЩ, с. 99). Во «Всякой всячине» такие люди получили прозвище «меланхоликов». Чулков добавляет: «Их должно истреблять так, как человекоубийц, а особливо сатириков неискusstных (т. е. не знающих правил истинной сатиры, — В. С.) по причине, что они целое общество заразить в состоянии». Ситуация изменилась, и Чулков полностью примкнул к победившей стороне. «И на „Всякую всячину“ сыскиваются критики, и ничего без похуления не оставляют», — заявлял он теперь (ПЩ, с. 99).

Чулков не отрицает сатиру вообще. Его нападки, например, не распространяются на литературную сатиру. Он полемизирует сам и не отнимает этой возможности у других, сохраняя за собой право «отшучиваться». Что касается сатиры общественной, сатиры нравов, то в его изданиях постоянно аргументируются преимущества «высокой» сатиры «на порок» перед «низким» памфлетом. С художественной точки зрения памфлетность была самым уязвимым местом сатиры «на лицо». Поэтому, например, Новиков счел нужным специально доказывать, что памфлетность не противоречит типологии характеров. Однако его тезис: «Всякая критика, писанная на лицо, по простествии многих лет обращается в критику на общий порок» (СЖ, с. 138) — прозвучал не вполне убедительно. Позднее в «Живописце» Новиков от сатиры «на лицо» перешел к иным, более емким и художественным литературным формам. В предпочтении, которое Чулков отдает характерологической сатире, отражались, по-видимому, те же сомнения.